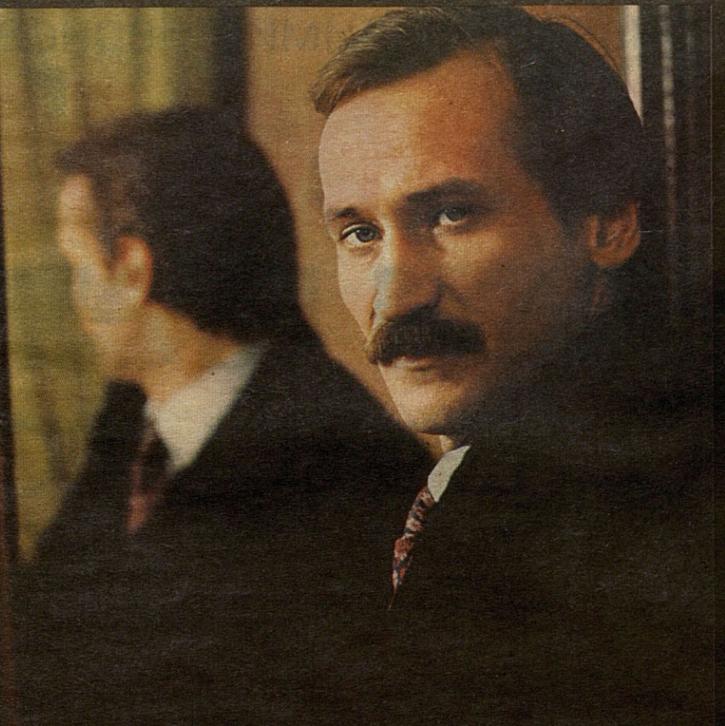

фотограф Валерий Плотноков

В ночь перехода на зимнее время, с субботы на воскресенье, в Центральной клинической больнице умерли 56-летний Леонид Филатов и 70-летний Элем Климов.

Его не устраивал больничный режим

Когда дочь Цветаевой узнала о смерти матери — в лагере, с огромным опозданием, из письма тетки, — ее утешила старая «политическая». Показала глазами на небо и сказала: «Представляешь, какой ТАМ сейчас Союз писателей?»

Это единственное утешение...

Не хочется искать символы, знаковые совпадения, не хочется выстраивать интеллектуальные спекуляции вокруг человеческой трагедии. Но нельзя не увидеть резкого слома времени, нельзя не почувствовать, как мало осталось воздуха, как мало в нынешней России места для всего, что делает выживание жизнью. Загадка Климова и Филатова заключалась в том, что оба были необычайно чутки к воздуху эпохи, к тончайшим переменам в ней. Даже не всегда сознавая это сами. И ушли они не просто так, и время ухода для них выбрали знаковое.

Мне выпало счастье знать Филатова. Мне выпала честь защищать его, когда он стал объектом весьма резкой критики или как минимум непонимания со стороны его бывших коллег и единомышленников — в девяносто третьем, девяносто четвертом, когда его общественную позицию предпочитали объяснять болезнью. Между тем именно в эти времена совершался его главный духовный подвиг, на фоне которого бледнеет даже героизм его последних лет. Филатов не просто любил свободу — он дышал этим воздухом, он почти четверть века — с 1969 года — работал в любимовской Таганке. Только он и Смехов демонстративно покинули театр после прихода Эфроса. Этот шаг стоил Филатову страшного духовного кризиса. Смерти Эфроса он не мог простить себе никогда, в каждом интервью, в каждом серьезном разговоре его мысль кружила вокруг того перелома в таганской истории. Именно тогда он начал понимать, сколько сектантской несвободы — и жестокости, и детской наивности — было в том понимании свободы, с которым мы все подошли к восьмидесятому году. И в разгар перестройки, в квазидемократическом угаре, он нашел в себе силы резко и демонстративно шагнуть в сторону: оказался первым талантливым, знаменитым, всенародно любимым, кто встал в оппозицию к власти.

До того ведь считалось как? Есть наша родная демократическая власть, а противостоять ей могут только неудачники, завис-

чина же была в том, что идеалами в очередной раз ловко воспользовались, что объявленная свобода оказалась свободой от всего человеческого, а борьба за права человека обернулась борьбой за право быть скотиной. Причин болезни Филатова тоже никто не понимал. Как и причин болезни Высоцкого (ее объявляли результатом алкоголизма и наркомании), и причин смерти Блока (этому шили сифилис)... Есть болезнь, которая называется «Родина»...

Он говорил — в своей обычной сниженной, беспасфосной манере (пафос был только в его романтических драмах): «Если всю жизнь выпендривался, играл в героя — ну как ты можешь расклеиться перед смертью? Люди же смотрят... скажут: «Что же ты?»... Люди смотрели. И он перенес удаление обеих почек, и два года ежедневного мучительного гемодиализа (всю кровь перегоняли через специальный аппарат, чистили, и Филатов зависел от этого аппарата), и операцию по имплантации донорской почки — операция прошла успешно, но стоила ему почти полной потери иммунитета. Его приходилось снижать искусственно, медикаментозно — чтобы почка не отторгалась; сразу сократилось общение, Филатов не мог больше выступать, виделся только с ближайшими друзьями и редко по-

над ним, как смеялся он сам, никому не было дано.

Но, повторяю, главным его подвигом для меня было и останется не сочинительство — хотя и оно не так-то легко ему давалось. И не то, что он опять заставил людей читать стихи (был самым продаваемым московским поэтом, страшно ругался, что классику раскупают хуже). А то, что во времена тотальной лжи, фарисейства и подмены понятий нашел в себе мужество пойти не просто против своего круга, но и против себя самого.

Всю жизнь мечтал поставить «Мастера»

...С Климовым все было сложнее, таинственнее — он вообще был необыкновенно закрытый человек, все понимавший интуитивно и крайне неохотно формулировавший вслух. Гениальный режиссер, он не был «говорителем» — последние восемнадцать лет глухо молчал, но молчание его говорило все, что надо. Вопреки общему мнению я считаю лучшей его картиной не знаменитое «Добро пожаловать» — блистательный гротеск, породивший целую школу новой эксцентрической комедии, — и не «Иди и смотри», в котором многое, на мой взгляд, было все-таки за гранью искусства. Он не снял ничего лучше «Прощания» — фильма, который собиралась делать

его жена Лариса Шепитько. Она погибла в автокатастрофе во время подготовительного периода, успев снять единственный кадр — огромное вечное дерево на рассвете. Климов снял подлинное «Прощание» — и не только о прощании с женой, которую боготворил и с которой бесконечно спорничал; он снял прощание с русским миром, как понимал его, с русской жизнью, корни которой выкорчеваны или загнили.

Идей у Климова было множество, идеи, казалось бы, и снимай — но он вдруг разочаровался в профессии, ушел с поста секретаря Союза кинематографистов, начал и бросил несколько проектов... Может быть, его подсекла история с «Мастером и Маргаритой»: тут еще одна точка пересечения его судьбы с филатовской. Филатов был всю жизнь влюблен в женщину, на которую бегала любоваться вся театральная Москва, — шутка ли, но на советской сцене! Климов всю жизнь мечтал поставить «Мастера», написал потрясающий сценарий с массой фантастических, почти невоплотимых идей — но сотрудничество с американцами не получилось, и картину он так и не снял. А может, лик свободы, о которой так мечтал он, едва ли не самый запрещаемый и преследуемый отечественный режиссер, — оказался совсем не тем, о котором он мечтал. И Климов перестал снимать вообще. Зато он, как и Филатов в последние годы, писал стихи. В советское время все его картины, кроме первой, побывали на полке — в постсоветском ему не было места вообще; он отлично понимал, что продолжается все то же самое, только хуже.

...Непонятно только, что делать нам тут, в условиях перехода на зимнее время. В зимнее время, впрочем, редеет один. Как и в летнее. Жить так, чтобы не было стыдно. Это Филатов и Климов доказали: кроме стыда, индикатора нет. Остается надеяться, что сейчас они в том Союзе писателей и кинематографистов, где не стыдно снимать и сниматься и не тошно смотреть.

■ Дмитрий Быков.

Переход на зимнее время

тливые бездари, исписавшиеся почвенники, тоскующие по сильной руке. И тут — Филатов. Успешный актер. Герой «Экипажа» и «Забытой мелодии для флейты». Красавец и муж красавицы, прославленной таганской Маргариты — Нины Шацкой: за их романом вся театральная Москва следила, затаив дыхание. И ведь он не просто актер — он актер дикущий, как почти все таганские звезды; его «Федот-стрелец» стал первой в российской истории стихотворной пьесой после «Горя от ума», которая вся разошлась на пословицы! А его пародии! А песни на его стихи «Разноцветная Москва», «О, не лети так, жизнь!» — на музыку зака-

кидал квартиру. Его не устраивал такой режим — он все равно выступал на творческих вечерах с Яромольником и Качаном, ездил в театры, смотрел премьеры.

По всем прогнозам врачей, у него элементарно не было шансов. Ресурса не было. Но такова была сила его ума, таланта и воли, что из всех своих операций он выходил живым, а главное — прежним. Ты мог прийти к нему в гости и поразиться тому, как он

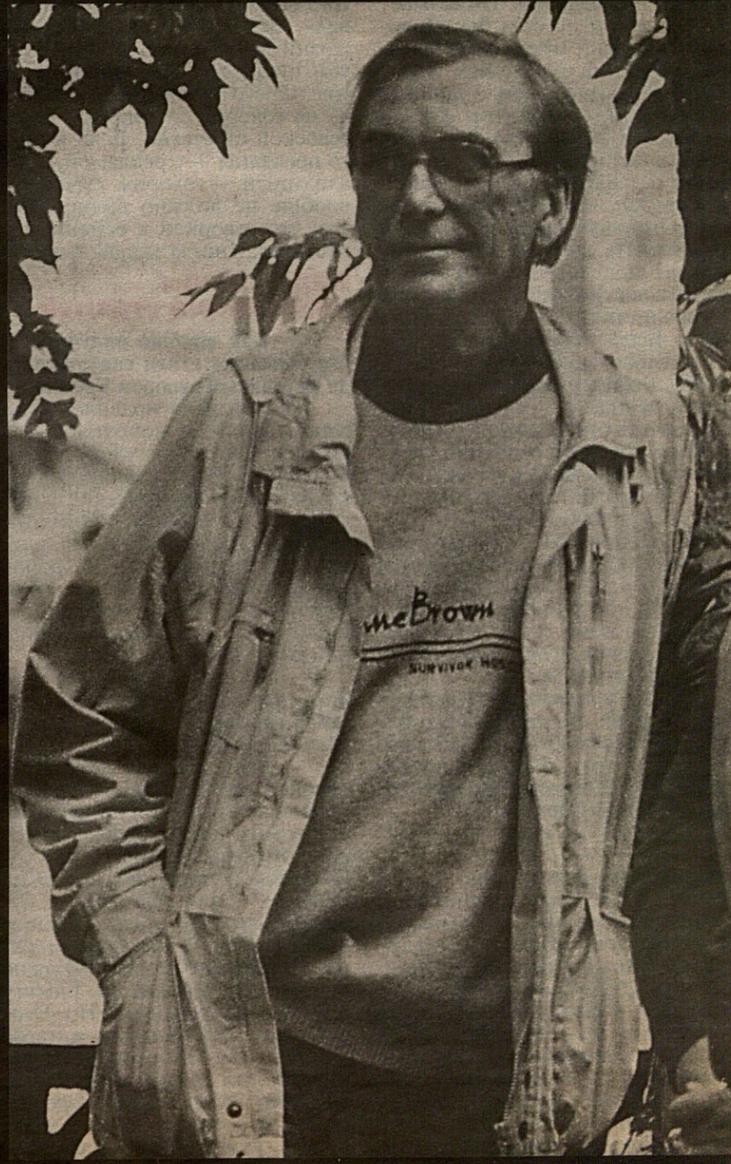
«Есть болезнь, которая называется «Родина», — и вся история нашей Родины есть в некотором смысле история болезни.»

дичного друга Володи Качана! Секс-символ восьмидесятых, герой-любовник, востребованный артист, любимец либералов, олицетворение свободомыслия — и вдруг против приватизации, и чуть ли не на стороне красно-коричневых, и даст интервью «Правде», где напоминает о том, что народ ограблен, а интеллигенция, по сути, деклассирована... Нет, он точно болен. Давайте его пожалеем.

Себя надо было жалеть. Потому что и болезнь Филатова была следствием его тяжелейшего прозрения — инсульт у него случился в день октябрьского путча 1993 года. Есть люди, тесней обычного связанные со своей страной: ее болезни они переносят, как собственные. При малейшем волнении у Филатова стало подкакивать давление — и это было время, когда страну тихо, грамотно давили; жить стало необыкновенно тошно — и никто не понимал причин. При-

стал бледен и худ, как шатается при ходьбе, — но стоило ему заговорить, закурить, припечатать происходящее резким и веселым определением, как уже за столом напротив тебя сидел прежний Филатов, с его добрым сердцем и злым умом, как точно определил его главную загадку Михаил Эфремов. Ты снова видел его хищные глаза, приплюснутый волчий нос, прокуренные усы, скудные жесты нервных истончившихся рук — и даже речь его, после инсульта замедлившаяся, вдруг становилась пулеметной.

Говорили, что писать ему было трудно, что он преодолевал себя, — да Господи! Он этим, может, и спасся. Чуть не в бреду надиктовал жене «Любовь к трем апельсинам» — а какая гомерически смешная получилась вещь, разошедшаяся на цитаты еще быстрее «Стрельца»! «Какой болезнью я ни одержим, повинен в ней сегодняшней режим...» — так смеяться

Филатов Леонид 29.10.03